

КОГНИТИВНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КООРДИНАТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Елизавета ДЕГТЯРЕВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительному анализу концепций когнитивной и информационной войны в отечественной и зарубежной научной традиции. В условиях цифровизации и усложнения коммуникационных процессов особую актуальность приобретает исследование новых форм нематериального противоборства, направленных на трансформацию поведения индивидов, а также изменение устойчивых когнитивных схем восприятия, интерпретации и последующего реагирования индивида на информацию. Целью исследования является разграничение понятий «информационная война» и «когнитивная война» на основе сравнительного подхода, с выделением их понятийных границ и ключевых характеристик. В ходе исследования были установлены как общие черты, так и принципиальные различия между двумя типами войн по критериям объекта, цели, методов/инструментов воздействия и ожидаемых результатов. Выявлено, что когнитивная война представляет собой усовершенствованную форму нематериального воздействия, акцентированную на изменение когнитивных процессов восприятия и осмысления реальности. Определены перспективы институционализации когнитивных войн в условиях развития нейронаук, технологий управления вниманием и искусственного интеллекта. На основе проведенного анализа предложено уточненное определение когнитивной войны и обосновано ее место в эволюции стратегических конфликтов современности. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития концептуальной базы когнитивных войн, а также для формирования практических рекомендаций по противодействию подобным угрозам. Выводы статьи акцентируют необходимость междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения нейро- и когнитивных наук, для более глубокого понимания природы современных политических конфликтов.

Ключевые слова: когнитивная война, информационная война, когнитивные операции, когнитивная наука, когнитивное воздействие, политические конфликты, управление сознанием, нейронауки, нейроподход в политологии, нейрополитика

Елизавета Борисовна Дегтярева – аспирант, кафедра сравнительной политологии МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 23.02.2025

Принята к публикации: 18.08.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № 125100111050-3 «Когнитивная война и гражданская идентичность: влияние информационных воздействий на рациональность поведения»).

За последние десятилетия формат ведения войны претерпел значительные изменения. Несмотря на то, что главным атрибутом войны по-прежнему считается вооруженная борьба, в условиях стремительной цифровизации, глобализации коммуникационных процессов и усложнения механизмов воздействия на массовое сознание на первый план все интенсивнее выходят новые технологии – социо-гуманитарные. Их разработка предоставляет возможность реализовывать новые техники управления восприятием, убеждениями и поведением индивидов без использования традиционных средств вооруженной борьбы. В этом контексте особую актуальность приобретает исследование новых форм нематериального противоборства, направленных не только на воздействие на информационные потоки и инфраструктуру, но и на когнитивную сферу личности – включая механизмы восприятия, осмысления и реагирования на информацию. Все это свидетельствует о формировании нового уровня контроля в условиях современного политического конфликта.

Как в зарубежной, так и в отечественной научной традиции информационная война уже давно занимает устойчивые позиции и осмысливается в многообразии подходов. Вместе с тем когнитивная война как феномен, предполагающий глубинное воздействие на способы мышления индивидов, остается концептуально неустойчивой категорией. При этом в международной практике когнитивная война все чаще рассматривается как качественно новая ступень эволюции нематериальных форм противоборства¹. Это, в свою очередь, требует ее теоретического осмысления и разграничения с информационной войной, а также прояснения понятийных границ явлений.

Целью данной статьи является разграничение двух существующих концепций – информационной и когнитивной войн – на основе сравнительного анализа исследований в области когнитивного и информационного противоборства в отечественной и зарубежной политической науке, с последующим выявлением их понятийных границ.

В соответствии с заявленной целью в статье решается ряд исследовательских задач. Сначала рассматривается понятие информационной войны в интерпретации как российской, так и зарубежной научной традиции; далее анализируется феномен когнитивной войны в контексте обеих научных школ. Завершается исследование сравнением обоих понятий по ряду ключевых параметров, что позволяет выявить как точки их пересечения, так и принципиальные различия, демонстрирующие специфику когнитивного воздействия как нового этапа в эволюции нематериальных форм противоборства. Методологической основой исследования выступает сравнительный подход, применяемый для анализа различных теоретических трактовок,

¹ Например, в таких документах, как: Du Cluzel F. (2021) *Cognitive Warfare. Innovation Hub, NATO ACT*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (accessed 10 May 2025); Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (2021) *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. NATO Collaboration Support Office*. Available at: <https://hal.science/hal-03635898/document> (accessed 10 May 2025).

представленных в отечественной и зарубежной школах. В качестве критериев сопоставления используются объект воздействия, цель воздействия, применяемые инструменты и методы, а также ожидаемые результаты. Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном сопоставлении концепций информационной и когнитивной войн на основе ключевых критериев, что позволяет выявить как их общие черты, так и принципиальные различия. В работе актуализированы и систематизированы отечественные и зарубежные подходы к пониманию феномена когнитивной войны, а также предложено уточненное понятийное разграничение между информационным и когнитивным воздействием. Обосновано, что когнитивная война представляет собой усовершенствованную форму противоборства, ориентированную не столько на содержание информации, сколько на процессы ее восприятия, осмысления и интерпретации. Кроме того, в исследовании определены перспективы институционализации когнитивных войн как самостоятельного направления нематериального противоборства в условиях стремительного развития нейронаук, цифровых технологий и стратегий управления массовым сознанием.

Информационные войны: понятийные характеристики и подходы в российской и зарубежной традициях

Несмотря на то, что манипулирование информацией в военной сфере не является новшеством (Каткова & Юношкина, 2022), развитие цифровых технологий в XX в. позволило кардинально расширить его охват. При сохранении прежнего содержания информационное воздействие обрело способность проникать в новые сферы общественной жизни: если раньше оно служило вспомогательным инструментом боевых действий, то в современную эпоху стало проникать и в гражданское поле, трансформируя как общественное мнение и политические установки, так и модели повседневного поведения. Это позволяет говорить о его всеобъемлющем характере.

Концепция информационных войн впервые оформилась в США, где она нормативно была закреплена как термин², а позже получила концептуальное развитие и в других государствах. Хотя интерес к теме информационных войн проявляют многие государства, в научной литературе особое внимание уделяется подходам США, КНР и России – трех стран, которые демонстрируют наиболее активную и системную разработку собственных стратегий информационного противоборства (Гончаров, 2022). В связи с этим именно американская, китайская и российская модели становятся предметом дальнейшего анализа в настоящей статье.

Американский подход к теоретизации информационных войн представлен, прежде всего, трудами Т. Роны, которого считают основоположником соответствующей концепции благодаря введению термина «*information*

² *United States Department of Defense* (1992) Information Warfare. Directive TS-3600. Available at: <https://archive.org/details/14F0492Doc01DirectiveTS3600.1> (accessed 27 April 2025).

war» (Rona, 1976). В его понимании ключевым объектом поражения выступали информационные системы соперника. С течением времени термин вошел в профессиональный оборот в военной среде, а объектом поражения стали считаться не только технические системы, но и психологические аспекты восприятия³. Значимый вклад в развитие концепции внес Р. Шафрански (Szafranski, 1995), предложивший определять в качестве объекта воздействия в рамках информационных войн систему знаний и убеждений лиц, принимающих решения в стране-противнике. Существенный вклад в развитие американского подхода внес М. Либики (Libicki, 1995), который предложил одну из первых систематизаций форм информационного противоборства, определив его как комплекс разнородных воздействий, направленных на подрыв способности противника к принятию решений. Таким образом, в американской научной и военной традиции информационная война рассматривается как комплекс мероприятий, направленных на воздействие на информационные системы противника и защиту собственных, а также на процессы принятия решений с целью достижения информационного превосходства над соперником с помощью электронных технологий и пропаганды.

В китайской научной традиции информационные войны трактуются преимущественно как действия, направленные на разрушение, нейтрализацию или перехват информационных систем противника, включая каналы управления и связи. Китайский подход представляет собой эволюцию исторически укоренившихся традиций стратегической дезинформации, зафиксированных еще в трактате «Искусство войны» (Сунь-цзы, 1950), и сегодня реализуется преимущественно в инженерно-технологической плоскости – через киберпространство, системы слежения и информационные атаки, выступающие в качестве ключевых инструментов влияния.

Военная модернизация, инициированная КНР в конце XX в. в ответ на успехи США в сфере информационных технологий (Adams, 2001), сопровождалась активным развитием теоретической базы. В частности, В. Пуфэн характеризовал информационную войну как доминирующую форму конфликта XXI в., а саму информацию – как ключ к завоеванию превосходства над соперником (Pufeng, 1997). В свою очередь, В. Баоцунь и Л. Фэй предложили двойную трактовку информационных войн: как командно-контрольной войны, предполагающей физическое воздействие на структуры управления противника, и как всеобъемлющей формы стратегического противоборства, включающей психологическое и сетевое воздействие (Baocun & Fei, 1998). Концепция «интегрированных электронно-сетевых операций» генерала Д. Цинмина расширила техническую сторону подхода благодаря идее согласованного использования кибероружия, средств радиоэлектронной борьбы

³ Например, в таких документах, как: *Department of the Army* (1996) FM 100-6: Information Operations. Washington, DC: Headquarters. Available at: <https://archive.org/details/fm-100-6-information-operations-1996> (accessed 11 May 2025); *United States Department of Defense* (1996) DoDD S-3600.1. Information Operations. Available at: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Administration_and_Management/14-F-0492_Directive_S-3600-1.pdf?ver=2017-05-15-135850-893 (accessed 4 April 2025).

и огневого воздействия по информационной инфраструктуре противника с целью разрушения его систем управления и устранения его преимуществ в информационной сфере⁴.

Китайский подход отличается высокой степенью технологизации, а также особым вниманием к информации как ключевому ресурсу государственной мощи и средству защиты суверенитета⁵. В связи с этим отношение к информационной безопасности в Китае имеет более жесткую форму, нежели в американском подходе (Евдокимов, 2011). Таким образом, в рамках китайского подхода информационная война определяется как всестороннее использование информационных технологий (атаки по информационным системам противника, шпионаж, психологические операции, пропаганда и пр.) на системы противника с целью их нейтрализации и обеспечения собственного информационного превосходства на поле боя.

Российский подход является самым сложным для изучения в силу обширной концептуальной разработанности данного явления, что позволяет рассмотреть его под разными углами в рамках пяти направлений (Киреева, 2019). В психологическом направлении (Лисичкин & Шелепин, 2003; Почепцов, 2000a) информационная война трактуется как скрытое воздействие на индивидуальное и массовое сознание. Социально-коммуникативный подход (Павлютенкова, 2001) акцентирует внимание на информации как факторе, способном преобразовываться из вербально-семиотической системы в реальные действия, часто имеющие необратимые последствия для народов и государств, то есть предполагается воздействие не только на индивида, но и на более широкие социальные группы через изменение их когнитивных и поведенческих моделей.

Геополитический подход (Василенко, 2009) рассматривает информационную войну как форму межгосударственного противоборства, направленного на решение внешнеполитических задач путем планомерного воздействия на инфокоммуникационную систему противника с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды и установления контроля над пространством. В рамках конфликтологического направления (Манойло, 2005) информационная война интерпретируется как политико-военное противостояние, целью которого выступает достижение контроля над политическим руководством соперника и, следовательно, над массовым сознанием и процессами принятия решений. Наконец, системный подход (Расторгуев, 1998) позволяет интерпретировать информационную войну как сложную систему с большим количеством элементов, связи между которыми носят вероятностный характер.

⁴ Кашин В. (2018) Перерыв подходит к концу? Военная стратегия Китая на современном этапе. *Россия в глобальной политике*, 22 ноября. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-podhodit-k-konczu/> (дата обращения: 27.04.2025).

⁵ *United States Department of Defense* (2024) Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Annual Report to Congress. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA-2024.PDF> (accessed 10 May 2025).

Несмотря на различия в подходах, большинство отечественных концепций сходится в том, что конечным объектом информационного воздействия является сам человек – его убеждения, поведенческие реакции и психоэмоциональное состояние. В центре внимания оказывается не столько технологическая или организационная структура противоборства, сколько трансформация смыслов, норм и стратегий поведения, происходящая через воздействие на когнитивные и эмоциональные механизмы индивидов и сообществ. Это позволяет говорить о более выраженной антропоцентричности российского теоретического дискурса по сравнению с другими подходами.

Как отмечается в работах ряда исследователей (Петренко & Манойло, 2003; Почепцов, 2000b), в отечественной науке наибольшее распространение получил термин «информационно-психологическая война», акцентирующий внимание на воздействие на ценностно-смысловую сферу личности с помощью информационных средств, психологических инструментов и пропаганды. В результате информационное противоборство в российском подходе трактуется как способ трансформации общественного сознания, реализуемый на всех уровнях – от масс до политических элит – посредством пропаганды, информационно-психологических операций и других инструментов с целью трансформации установок и убеждений объектов воздействия.

Анализ показывает, что при сохранении общей направленности на использование информации как средства стратегического воздействия, указанные подходы различаются по ключевым параметрам. *Объектом* воздействия в российском подходе является психо-информационное поле индивида и его сознание; в американском – информационные системы, информация и процессы принятия решений на стороне соперника; в китайском – информационные системы и информация без учета таких абстрактных категорий, как сознание или процессы принятия решений. Так, отечественный подход демонстрирует оперирование сложно формализуемыми характеристиками, связанными с внутренним состоянием и мировоззренческими установками человека, тогда как китайский подход ориентируется на конкретные материальные аспекты. Американская концепция в этом отношении выступает смешанным вариантом, сочетающим элементы обоих подходов.

Цель информационной войны в российском подходе заключается во влиянии на информационно-психологическую сферу индивида, под которой понимается совокупность его устойчивых представлений, ценностей и форм социального поведения; в американском – в контролировании и/или манипулировании информационными потоками соперника и процессами принятия решений; в китайском – в нейтрализации информационных систем противника. *Методы и инструменты* ведения информационных войн в целом имеют схожий характер, но варьируются по акцентам. В российском таковыми являются использование ложной информации, пропаганда, информационно-психологические операции и другие формы воздействия. В американском – использование электронных технологий, манипулирование объемами и качеством информации, пропаганда. В китайском – прямые

атаки по информационным системам противника, шпионаж, а также распространение деструктивной информации в интернет-пространстве, включая спам-кампании.

Наконец, *ожидаемый результат* информационного воздействия в каждом из трех подходов также различается. В российской интерпретации он заключается в изменении ценностно-смысловой сферы личности, включая трансформацию установок, убеждений и ориентаций индивида в отношении феномена или явления с целью последующего получения превосходства в значимых сферах государственной жизни. В американском подходе целевым результатом выступает изменение системы знаний соперника с целью достижения информационного превосходства, а китайском – парализация системы управления противника с целью получения превосходства над ним.

Дополнительно следует отметить, что характер информационной войны в российском подходе имеет антропологическую трактовку, центром которой является индивид и воздействие информации на его восприятие окружающей действительности. В китайском, напротив, наблюдается военно-техническая трактовка с акцентом на нейтрализацию информационных систем. Американский подход, в свою очередь, носит смешанный характер, поскольку информационное воздействие здесь рассматривается как элемент более широкой системы принятия решений и институционального управления. Однако в отличие от российской концепции она не акцентирует внимание на антропоцентрическом измерении, ограничиваясь преимущественно уровнем организационно-функциональных структур.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что существующие подходы к трактовке информационной войны, несмотря на наличие ряда существенных сходств, демонстрируют и различия. Хотя все три подхода выделяют разные цели и объекты, информационная война в них рассматривается как деятельность, направленная на вмешательство в информационные потоки противника, искажение, блокирование или перенаправление информации с использованием разнообразных технических, психологических и организационных средств. Информационные войны отличаются от других форм конфликтов тем, что акцент в них делается не на физическом воздействии, а на информации как ключевом инструменте достижения поставленных целей, что придает им уникальный характер. Более того, инструменты информационной войны в рамках всех рассмотренных подходов включают использование психологических операций, которые основываются на определенных методах работы с информацией. В связи с этим в российском подходе обоснованно укоренился термин «информационно-психологическая война» в качестве синонима информационного противоборства. Наконец, в рамках всех трех подходов результат информационной войны связан с получением стратегических преимуществ, однако содержание этих преимуществ существенно различается, о чем было сказано выше.

На основе анализа разных подходов информационная война может быть определена как совокупность стратегических действий, направленных

на воздействие на информационные системы и средства коммуникации, процессы принятия решений и (в ряде случаев) психоэмоциональную среду противника с целью достижения информационного превосходства с помощью работы с информацией, средств пропаганды и психологических операций. Данное определение представляет собой обобщенную интерпретацию, учитывающую наиболее репрезентативные элементы трех национальных моделей.

Когнитивные войны: понятийные характеристики и подходы в российской и зарубежной традициях

В контексте технологического прогресса и цифровизации наблюдается рост прикладного интереса к нейронаукам – междисциплинарному направлению, ориентированному на изучение функционирования мозга и психофизиологических основ поведения. В настоящем исследовании вклад нейронаук рассматривается как основа для понимания механизмов восприятия, внимания и реагирования, а также для обоснования методов воздействия на когнитивные и поведенческие процессы. Современные нейрофизиологические данные, в частности, результаты экспериментов с транскраниальной магнитной стимуляцией, демонстрируют, что даже минимальное внешнее вмешательство может незаметно влиять на выбор человека, обходя его осознанный контроль. Это свидетельствует о высокой уязвимости когнитивных механизмов к внешнему воздействию (Lawson et al., 2023)⁶.

Концепция когнитивной войны, активно разрабатываемая НАТО с 2017 г. и введенная в публичное пространство в 2020–2021 гг.⁷, основывается на переосмыслении стратегических коммуникаций и информационных операций. Достижения нейронаук в этом контексте играют ключевую роль: они способствуют углублению понимания процессов мышления, восприятия и принятия решений, а также используются при разработке методов воздействия на когнитивные структуры индивидов⁸. Главный вывод исследований НАТО заключался в признании трансформации формата военных действий в условиях быстрого технологического прогресса, значительного повышения влияния технологий на различные аспекты человеческой жизни и, что особенно важно, последующей информационной перегрузки. Последняя рассматривается как фактор, снижающий способность индивидов к концентрации внимания,

⁶ Rao R. & Stocco A. (2013) Researcher Controls Colleague's Motions in 1st Human Brain-to-Brain Interface. *University of Washington News*. Available at: <https://www.washington.edu/news/2013/08/27/researcher-controls-colleagues-motions-in-1st-human-brain-to-brain-interface/> (accessed 27 April 2025); Trafton A. (2013) Neuroscientists Plant False Memories in the Brain. *MIT News*. Available at: <https://news.mit.edu/2013/neuroscientists-plant-false-memories-in-the-brain-0725> (accessed 26 April 2025).

⁷ Du Cluzel F. (2021) Cognitive Warfare. *Innovation Hub, NATO ACT*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (accessed 10 May 2024).

⁸ *Innovation Hub, NATO ACT* (2021) Cognition Workshop Report: Innovative Solutions to Improve Cognition. Norfolk, VA. Available at: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/210601-Cognition-Workshop-Report-v3.pdf> (accessed 12 May 2025).

критической оценке информации и принятию рациональных решений, тем самым повышая их уязвимость к когнитивному воздействию. На этом основании был сделан вывод о приближении общества к кризису когнитивных способностей: существует вероятность, что в ближайшем будущем индивидам не хватит когнитивных ресурсов для анализа и восприятия окружающей информации. Это превращает человеческий мозг в объект повышенной уязвимости и, следовательно, в новую «арену ведения войны»⁹. Осознание возможности влияния на когнитивные способности индивида стало толчком для размышлений о появлении нового типа конфликтов – когнитивных войн, что привело к появлению термина «когнитивная война» в доктринальных и аналитических материалах НАТО, ознаменовав тем самым становление новой исследовательской и стратегической парадигмы, прежде всего в странах альянса.

В контексте *западного подхода* в рамках НАТО когнитивная война рассматривается как перспективное направление трансформации современных конфликтов, способное радикально повлиять на характер противоборства без применения традиционных вооруженных средств за счет вмешательства в когнитивные процессы противника¹⁰. И хотя одна из целей когнитивной войны заключается в изменении восприятия индивидов (что незначительно отличает ее от информационных войн), существенным нюансом для зарубежных авторов является сам способ, благодаря которому осуществляется трансформация установок индивидов. Речь идет о специфическом инструментарии нового типа, включающем не только информационные и психоэмоциональные инструменты, но и нейробиологические. К последним относятся технологии нейромодуляции (в том числе с использованием электромагнитных импульсов), нейроинтерфейсы или их прототипы, а также иные средства прямого или опосредованного влияния на нейрофизиологические процессы (Дегтярева, 2025).

Однако остается открытым вопрос о выделении когнитивного воздействия в качестве отдельной формы войны. Критики отмечают, что когнитивная война настолько тесно переплетена с другими доменами, что не представляет собой независимую модель и, следовательно, не может рассматриваться обособлено¹¹. Более того, исследователи поднимают вопрос о том, насколько этично вмешательство в когнитивные процессы индивида без его согласия (Miller, 2023).

Вопросы когнитивного воздействия и управления когнитивными процессами становятся все более актуальными в зарубежной повестке. Активный интерес к данной тематике проявляется как в научных исследованиях,

⁹ Johns Hopkins University & Imperial College London (2021) Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience. NATO Review. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (accessed 12 May 2025).

¹⁰ Du Cluzel F. (2021) Cognitive Warfare. The Future of Competition. *Innovation Hub, NATO ACT*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (accessed 10 May 2024).

¹¹ Hofstetter P. & Jossen F. (2023) There Is No Need for a Cognitive Domain. *The Defence Horizon Journal*. Available at: <https://tdhj.org/blog/post/no-need-cognitive-domain/> (accessed 26 April 2025).

так и в прикладных проектах в сфере безопасности и обороны. Например, в рамках проекта *DARPA «Neurotechnology for Intelligence Analysts»* исследовались возможности ускоренного анализа больших массивов данных за счет стимуляции когнитивных функций аналитиков с применением нейротехнологий¹². Кроме того, в 2025 г. НАТО представила концепцию *«Cognitive Resilience Framework»*¹³, в которой когнитивная устойчивость определялась как способность индивидов противостоять манипулятивным воздействиям и сохранять критическое мышление в условиях информационной перегрузки. Таким образом, несмотря на существующие сомнения и критику, развитие технологий нейровоздействия, стремительное усложнение информационной среды и возрастающая роль когнитивных механизмов в стратегических конфликтах свидетельствуют о том, что когнитивное воздействие имеет все предпосылки для дальнейшего теоретического оформления и институционализации.

В рамках *российского* подхода объектом когнитивной войны также выступают сознание индивидов и их когнитивные способности. Однако важно отметить, что в отечественной науке существует ряд близких по значению терминов: в частности, «ментальная война» (Ильницкий, 2021), «консциентальная война» (Мусиец, 2023), «война смыслов» (Кочетков, 2012). Все они также рассматривают сознание в качестве основного объекта воздействия, но преимущественно в его социально-культурном измерении. Поскольку в российской науке феномены информационной, ментальной и смежных форм войн имеют достаточно серьезную теоретическую разработанность, выделение специфических особенностей когнитивной войны как отдельной категории ведения военных действий представляет ряд сложностей. В связи с этим некоторые исследователи трактуют когнитивную войну как продолжение информационных войн (Приходько, 2023) или как одну из их вариаций (Алексеев & Алексеева, 2021).

Тем не менее в последние годы в отечественной науке, как и в зарубежной, наблюдаются попытки обозначить концептуальные рамки когнитивных войн. Так, в качестве объекта воздействия в когнитивной войне выделяется психофизическое пространство индивида (Медушевский, 2023), включающее такие ключевые компоненты, как память (как обобщение опыта), осмысление и формирование идеи деятельности. Инструментарий при этом базируется на нейротехнологических (или нейробиологических) методах влияния и технологиях информационного (нейросетевого) воздействия. Цель подобного воздействия заключается в достижении контроля над когнитивными функциями целевой аудитории, что позволяет навязывать определенные формы мыслительных

¹² *Defense Advanced Research Projects Agency* (2010) *Neurotechnology for Intelligence Analysts* (NIA). Available at: <https://www.darpa.mil/program/neurotechnology-for-intelligence-analysts> (accessed 27 April 2025).

¹³ *NATO Defence Education Enhancement Programme* (2025) *DEEP Resilience Reference Curriculum*. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf (accessed 26 April 2025).

моделей. При этом ожидаемый результат когнитивной войны заключается в подрыве легитимности правительств и дестабилизации общества, поскольку когнитивная война стремится изменить не только то, что люди думают, но и сам способ их мышления, что делает ее мощным инструментом воздействия на общественное сознание.

Несмотря на то, что истоки когнитивного воздействия лежат именно в информационном противоборстве, появление новых технологий из нейронаук, методов социальной инженерии и нейрометодов сделало возможным появление усовершенствованной формы воздействия на сознание (Aquilar & Galluccio, 2008; McDermott, 2011). При этом важно понимать, что технологии контроля за сознанием в рамках как когнитивных, так и информационных воздействий существуют в комплексном симбиозе, взаимодополняя друг друга и создавая новый легко манипулируемый тип индивида.

В результате проведенного теоретического анализа представленных концепций когнитивных войн можно выделить следующие их отличительные черты по основным критериям.

Во-первых, *объектом* воздействия как в зарубежном, так и в отечественном подходе является когнитивная сфера индивида – восприятие, мышление, память, а также процессы осмысления и принятия решений. При этом отечественная традиция сохраняет акцент на глубокую трансформацию смысловых и ценностных структур индивида через воздействие на базовые психические процессы. Это связано с тем, что в отечественной научной мысли ранее сформировалась концепция ментальных войн, во многом предвосхитившая когнитивную проблематику.

Во-вторых, *цель* когнитивной войны также схожа и в зарубежном, и в отечественном подходе. Она заключается в подрыве когнитивной устойчивости общества через трансформацию восприятия реальности и ослабление способности индивидов к целостной обработке информации. Под последним понимается не физиологическое нарушение функций, а фрагментация внимания, затруднение осмысления, деформация памяти, ускоренное забывание и поверхностное формирование суждений. Эти эффекты используются как средство подрыва доверия к институтам власти и создания условий для социальной дестабилизации.

В-третьих, *методы и инструменты* когнитивных войн в зарубежной и отечественной традициях одинаково предполагают комплексное использование информационных, психологических и нейротехнологий. Среди них – методы информационной перегрузки, нейросетевого воздействия на когнитивные процессы, а также иные формы направленного влияния на психику и поведение индивида.

Наконец, *ожидаемый результат* когнитивной войны в обоих подходах заключается в подрыве легитимности правительств и дестабилизации общества, поскольку когнитивная война стремится изменить не только то, что люди думают, но и сам способ их мышления, что делает ее мощным инструментом воздействия на общественное сознание.

Дополнительно можно отметить, что характер когнитивной войны в российском подходе имеет антропологическую направленность, где в центре воздействия находятся ценностно-смысловые и психологические структуры индивида. При этом в зарубежной научной традиции характер когнитивной войны определяется преимущественно через биологический подход, акцентирующий внимание на нейрофизиологических механизмах восприятия, обработки и интерпретации информации.

Тем не менее, несмотря на то что зарубежный и российский подходы к пониманию когнитивных войн формировались в различных научных и стратегических традициях, их содержательные различия нельзя назвать радикальными. В обоих случаях когнитивная война рассматривается как форма воздействия на сознание и когнитивные процессы индивида с целью трансформации способов восприятия, мышления и принятия решений, а основные расхождения касаются уровня концептуальной проработки и институционального оформления: если в зарубежной научной мысли когнитивная война в последнее время все чаще осмысливается как самостоятельный домен ведения конфликтов, то в отечественной традиции она в большей степени воспринимается как углубленное развитие существующих форм информационно-психологического противоборства.

На основе анализа двух подходов когнитивная война может быть определена как совокупность стратегических действий, направленных на воздействие на когнитивные процессы индивидов (восприятие, мышление, память, а также процессы осмысления и принятия решений) с целью подрыва когнитивной устойчивости общества посредством применения информационных, психологических и нейробиологических инструментов.

Когнитивные и информационные войны: сравнительный анализ

Можно заметить, что феномены информационной и когнитивной войны, несмотря на различие в уровнях и глубине воздействия на индивидов и общества, представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняющие формы нематериального противоборства. С момента оформления концепции информационных войн в середине XX в. и до появления идеи когнитивной войны в первой четверти XXI в. эволюция технологий коммуникации, достижения нейронаук и развитие методов психологического воздействия способствовали постепенному усложнению арсенала средств воздействия на массовое и индивидуальное сознание.

Информационные войны, в своем классическом понимании, нацелены преимущественно на манипулирование информационными потоками, системами коммуникации и процессами принятия решений противника посредством использования электронных технологий, психологических операций и пропаганды. Яркими примерами информационных войн можно считать кампании пропаганды в период холодной войны между СССР и США, а также операции по распространению дезинформации в ходе выборов в различных странах в XXI в.

Когнитивные войны же акцентируют внимание не столько на информации как таковой, сколько на самом механизме ее восприятия, осмысления и преобразования индивидами. Примерами применения когнитивного воздействия можно считать активные проекты по изменению поведения целевых групп через использование больших данных¹⁴, а также методов нейроинжиниринга в рамках современного политического ландшафта¹⁵. Таким образом, если информационная война стремится контролировать содержание информационного пространства, то когнитивная война – способы его внутренней переработки человеческим сознанием с целью дальнейшего подрыва его когнитивной устойчивости.

Особую роль в оформлении когнитивных войн как новой формы противоборства сыграли достижения нейронаук, которые позволили углубить понимание функционирования памяти, внимания, процессов мышления и принятия решений. Развитие технологий нейростимуляции, исследования в области когнитивной перегрузки, изучение механизмов восприятия угроз и управления вниманием расширили классический инструментарий информационных войн, создавая условия для более глубокого и тонкого воздействия на когнитивные функции человека. Например, одним из ключевых факторов, способствующих расширению применения данного подхода, выступает стремительное развитие технологий нейровизуализации и обработки данных, таких как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), электроэнцефалография (ЭЭГ) и системы анализа больших данных. Эти инструменты предоставляют исследователям новые возможности для изучения когнитивных процессов, определяющих политическое поведение индивидов (Adolphs, 2009). Современные трансформации глобальной политической среды, включая вызовы цифровизации, также способствовали созданию новых методологических основ для анализа механизмов принятия решений, при этом особый акцент делается на исследовании когнитивных и нейрофизиологических факторов, влияющих на эмоциональные реакции и политические установки граждан (Karlan, Freedman & Iacoboni, 2007). Кроме того, внедрение нейронаук в сферу политических и конфликтологических исследований открывает перспективы прогнозирования коллективного поведения, формирования

¹⁴ Например, алгоритмическая фильтрация контента способна незаметно манипулировать восприятием, влияя на политические взгляды, поведенческие решения и установки пользователей: так, предвзятое ранжирование результатов поиска может смещать электоральные предпочтения на 20% и более, причем пользователи не осознают факта манипуляции. Подробнее см. (Epstein & Robertson, 2015).

¹⁵ Одним из наиболее известных примеров когнитивных операций стал скандал вокруг *Cambridge Analytica*, когда персональные данные пользователей *Facebook* использовались для создания и распространения персонализированных политических сообщений, направленных на влияние на мотивационные установки и поведение избирателей. По оценкам ряда исследователей, это вмешательство могло повлиять на исход президентских выборов в США в 2016 г. и референдума по *Brexit* в Великобритании. Подробнее см.: Cadwaladr C. & Campbell D. (2020) Cambridge Analytica Data Leak Reveals Global Manipulation Potential. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jan/04/cambridge-analytica-data-leak-global-election-manipulation> (accessed 12 May 2025).

эффективных управленческих стратегий, а также углубленного понимания механизмов, определяющих поведение лидеров и динамику их взаимодействия с последователями (Boyatzis et al., 2012).

Тем не менее, несмотря на появление новых методов и расширение сфер применения, информационные и когнитивные войны продолжают существовать в тесном симбиозе. Многие инструменты когнитивного воздействия используют те же каналы и среды, что и информационные операции, а границы между ними зачастую оказываются размытыми. Именно это обуславливает необходимость проведения их сравнительного анализа на основе ключевых критериев, выделенных в методологической части исследования.

Объектом в информационной войне выступают как информационные системы и коммуникационные потоки, так и процессы принятия решений и восприятие поступающей информации. В когнитивной войне объектом становятся когнитивные процессы индивида – память, мышление, способность к осмыслению информации. Таким образом, можно отметить, что объекты воздействия в обоих видах войн отчасти пересекаются, когда дело касается сознания, однако существует принципиальное различие в предметном поле. В рамках информационной войны предметом является психоинформационная среда индивида и его отношение к окружающей реальности (то есть что он думает), в то время как когнитивная война нацелена на психофизическую среду и способ конструирования картины окружающего мира (то есть как он думает).

Целями информационных войн выступают достижение информационного превосходства, трансформация процессов принятия решений, изменение системы знаний противника путем контроля над потоками данных, поступающими на его сторону, а также трансформация убеждений и взглядов людей на стороне соперника с сохранением их нейрокогнитивных способностей. В свою очередь, когнитивная война изначально ориентирована на изменение когнитивного базиса индивидов, их способов мышления, восприятия и интерпретации реальности, что позволяет не просто контролировать принимаемые решения, но и влиять на саму структуру их формирования (Медушевский, 2023). Такое воздействие приводит к постепенному подрыву способности к критическому анализу, рефлексии и осознанному сопротивлению, повышая восприимчивость индивида к внушаемым установкам и выгодным для противника моделям поведения – в большей степени, чем это происходит в рамках информационного противоборства.

Инструментарий воздействия также демонстрирует различия. В информационной войне он включает информационные, технические и психологические средства, в том числе пропаганду и манипулирование данными. В когнитивной войне, помимо вышеуказанных инструментов, задействуется нейробиологическое влияние: технологии информационной перегрузки, методы социальной инженерии и другие формы воздействия на психофизиологические процессы.

Наконец, *ожидаемый результат* в информационной войне выражается в дезорганизации коммуникационных систем, снижении эффективности

процессов принятия решений, получении стратегического преимущества. В когнитивной войне ожидаемый результат заключается в трансформации базовых когнитивных паттернов индивидов, что приводит к изменению их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия для дальнейшего подрыва легитимности правительств и дестабилизации обществ.

Для наглядного представления ключевых различий между когнитивной и информационной войнами в табл. 1 приведен их сравнительный анализ по основным критериям.

Таблица 1. Сравнительный анализ информационных и когнитивных войн
Table 1. Comparative analysis of information and cognitive warfare

	Информационная война	Когнитивная война
Объект	Информационные системы, коммуникационные потоки и процессы принятия решений	Когнитивные функции индивида: память, мышление, способность к осмыслению информации
Цель	Контроль над потоками данных и нарушение процессов принятия решений противника с сохранением его нейрокогнитивных способностей	Изменение способов мышления и восприятия реальности, подталкивание индивидов на стороне соперника к саморазрушению когнитивных способностей с тем, чтобы сделать их неспособными к сопротивлению и уклонению
Инструменты/методы	Информационные, технические и психологические техники, пропаганда	Информационные, технические, психологические техники, пропаганда, а также нейробиологические инструменты
Результат	Достижение информационного превосходства, дезорганизация коммуникационных систем, снижение эффективности процессов принятия решений, получение стратегического преимущества	Трансформация базовых когнитивных паттернов индивидов, приводящая к изменению их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия ради дальнейшего подрыва легитимности правительств и дестабилизации обществ

Рассмотренные типы войн обладают рядом общих характеристик. Обе формы противоборства предполагают нематериальный характер воздействия и ориентированы не на физическое уничтожение противника, а на изменение его восприятия и механизмов принятия решений. Информация при этом относится к первичным, базовым инструментам ведения обоих типов войны: в обоих случаях субъект опирается на интенсивное применение информационных технологий для перемещения борьбы из материальной среды в нематериальную. Более того, в практическом измерении информационные и когнитивные войны часто взаимопереплетаются, что затрудняет их четкое концептуальное разграничение и усиливает эффект комплексного воздействия. Несмотря на различия в целях, обе стратегии ориентированы на достижение долгосрочных результатов – перераспределение власти, подрыв легитимности государственных институтов и изменение политической воли общества.

Таким образом, на современном этапе развития международных отношений когнитивные войны пока не могут рассматриваться как окончательно оформленная и признанная форма ведения борьбы. Несмотря на активно развивающуюся теоретическую базу, значительная часть исследователей справедливо указывает на то, что когнитивное противоборство во многом сохраняет преемственность с практиками информационных и информационно-психологических войн, являясь либо их модификацией, либо новым уровнем воздействия в рамках уже существующих нематериальных методов борьбы. Когнитивная война на сегодняшний день интегрируется в доктрины и концепции как расширение информационного воздействия, акцентируя внимание не только на управлении потоками информации, но и на целенаправленной трансформации механизмов ее внутреннего восприятия, обработки и осмысления человеческим сознанием. Таким образом, когнитивные войны воспринимаются как качественно усовершенствованная форма информационного противоборства, усиленная возможностями нейронаук, технологий управления вниманием, исследованиями когнитивной перегрузки и механизмов принятия решений.

При этом наблюдаемые тенденции в развитии технологических средств воздействия на когнитивные функции индивидов, а также рост числа программ, ориентированных на изучение и внедрение методов когнитивного влияния в рамках военных и гражданских стратегий (например, указанные ранее проекты *DARPA* и программы НАТО по когнитивной устойчивости), свидетельствуют о том, что когнитивные войны обладают высоким потенциалом институционализации. С учетом расширения возможностей прямого и косвенного воздействия на мышление, восприятие и систему ценностей массового сознания когнитивная война может получить статус самостоятельной доминирующей формы нематериального противоборства в структуре будущих конфликтов.

В этой связи когнитивные войны представляют собой переходную форму: с одной стороны, это продолжение и усложнение информационных войн, с другой – зарождающаяся модель нового типа конфликтов, основанного на контроле над когнитивной сферой индивидов и обществ. Перспектива институционализации когнитивных войн во многом будет зависеть от дальнейших достижений в области нейронаук, искусственного интеллекта и технологий информационно-психологического воздействия, которые на данный момент стремительно развиваются.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в условиях стремительной цифровизации, глобализации коммуникационных процессов и усложнения механизмов воздействия на массовое сознание особую актуальность приобретают исследования новых форм нематериального противоборства, выходящих за рамки традиционных моделей информационных войн. Несмотря на то, что информационная война как научная категория давно закрепились в политологическом

дискурсе и получила всестороннюю разработку в отечественной и зарубежной научной традиции, когнитивная война остается концептуально неустойчивой и требует дальнейшего теоретического осмысления.

Целью настоящего исследования являлось разграничение понятий «информационная война» и «когнитивная война» на основе сравнительного анализа данных, представленных в отечественной и зарубежной научных школах, на основе таких критериев, как объект, цель, методы/инструменты воздействия и ожидаемые результаты. В рамках решения поставленных задач были установлены и сопоставлены понятийные характеристики обоих явлений, выделены ключевые критерии их различия, а также предложено уточненное определение когнитивной войны.

Результаты исследования позволили выявить, что при наличии общего нематериального характера и ориентированности на управление сознанием и поведением индивидов когнитивная война представляет собой качественно новую форму воздействия, акцентированную не на манипуляции информационным содержанием, а на трансформации когнитивных процессов восприятия, осмысления и принятия решений. В то время как информационные войны направлены на контроль над потоками данных и воздействие на информационные системы и процессы принятия решений противника, когнитивные войны стремятся изменить фундаментальные механизмы когнитивной деятельности индивидов, что открывает новые горизонты для стратегического влияния.

Тем не менее в настоящий момент когнитивная война сохраняет преемственность с практиками информационного противоборства и в полной мере еще не получила институционального оформления в качестве самостоятельной формы войны. Однако с учетом стремительного развития нейронаук, технологий управления вниманием, исследований когнитивной перегрузки и методов нейроинженерии когнитивное воздействие приобретает все большую значимость как потенциально самостоятельный домен нематериального противоборства, что подтверждается растущим вниманием к нему в научных, военных и стратегических исследованиях.

Таким образом, когнитивные войны на современном этапе могут быть охарактеризованы как переходная форма между информационным противоборством и новым типом конфликтов, основанных на контроле над когнитивной сферой индивидов и обществ. Дальнейшее развитие теоретических исследований в этой области, а также системное изучение технологических возможностей воздействия на когнитивные функции будут определять место и роль когнитивных войн в практике будущих вооруженных конфликтов.

Список литературы:

1. Алексеев А.П. & Алексеева И.Ю. (2021) Цифровизация и когнитивные войны. *Философия и общество* 4(101): 39–51. DOI: 10.30884/jfo/2021.04.02.
2. Василенко И. (2009) Информационная война как фактор мировой политики. *Государственная служба* 3: 80–86.

3. Гончаров В.Ю. (2022) Концепция информационной войны. В: *Проблемы и перспективы внедрения инновационных телекоммуникационных технологий: материалы VIII Междуна- р. науч.-практ. конференции, Оренбург, 25 марта 2022 г.* Оренбург: Поволжский гос. ун-т телекоммуникаций и информатики. с. 365–370.
4. Дегтярева Е.Б. (2025) Информационная безопасность в эпоху когнитивных войн: со- вершенствование правового регулирования. В: *Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы III Междуна- р. науч.-практ. конф., Санкт- Петербург, 13 дек. 2024 г.* СПб.: СПб. академия СК РФ. с. 105–109.
5. Евдокимов Е.В. (2011) Политика Китая в глобальном информационном пространстве. *Международные процессы* 9(1): 74–83.
6. Каткова Е.Ю. & Юношкина А.С. (2022) Китайские концепции и возможности в информа- ционной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве. *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история* 14(2): 197–210. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210.
7. Ильницкий А.М. (2021) Ментальная война России. *Военная мысль* 8: 19–33.
8. Киреева О.С. (2019) Подходы к определению информационной войны. *Российский по- литический процесс в региональном измерении: история, теория, практика* 12: 57–60.
9. Кочетков В.В. (2012) Война и мир ценностей во внешней политике России. *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки* 3: 97–101.
10. Лисичкин В.А. & Шелепин Л.А. (2003) *Третья мировая (информационно-психологиче- ская) война.* М.: Эксмо: Алгоритм. 445 с.
11. Манойло А.В. (2005) Информационно-психологическая война: факторы, определяю- щие формат современного вооруженного конфликта. *Материалы V Междуна- р. науч.- практ. конф. «Информационные технологии и безопасность»* 8: 73–80.
12. Медушевский А.Н. (2023) Когнитивная война: социальный контроль, управление созна- нием и инструмент глобального доминирования (часть 1). *Вопросы теоретической эко- номики* 2(19): 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.
13. Мусиц П.В. (2023) Консциентальная война с позиций социально-философского анали- за. *Россия: тенденции и перспективы развития:* 533–536.
14. Павлютенкова М.Ю. (2001) Информационная война: реальная угроза или современный миф? *Власть* 12: 19–23.
15. Петренко А.И. & Манойло А.В. (2003) Информационное противоборство и государ- ственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. *Право и политика* 9: 110–125.
16. Почепцов Г.Г. (2000а) *Информационные войны.* М.: Рефл-бук. 147 с.
17. Почепцов Г.Г. (2000б) *Информационно-психологическая война.* М.: Синтер. 180 с.
18. Приходько М.В. (2023) *Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен (в контексте репрезентации «торговой войны» в СМИ КНР и США).* Автореф. дис. канд. филол. наук. 23 с.
19. Расторгуев С.П. (1998) *Информационная война.* М.: Радио и связь. 222 с.
20. Сунь-цзы (1950) *Искусство войны* (пер. с кит. Н. И. Конрада). М.: АН СССР. 404 с.
21. Adams J. (2001) Virtual Defense. *Foreign Affairs* 80(3): 98–112.
22. Adolphs R. (2009) The Social Brain: Neural Basis of Social Knowledge. *Annual Review of Psy- chology* 60: 693–716. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163514.
23. Aquilar F. & Galluccio M. (2008) *Psychological Processes in International Negotiations: The- oretical and Practical Perspectives.* Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-71380-9.
24. Baocun W., Fei L. (1998) Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare.* Washington DC: National Defense University Press. pp. 327–343.
25. Boyatzis R.E., Passarelli A.M., Koenig K. et al. (2012) Examination of the Neural Substrates Activated in Memories of Experiences with Resonant and Dissonant Leaders. *Leadership Quarterly* 23(2): 259–272. DOI: 10.1016/j.leaqua.2011.08.003.
26. Epstein R. & Robertson R.E. (2015) The Search Engine Manipulation Effect (SEME) and Its Possible Impact on the Outcomes of Elections. *PNAS* 112(33): E4512–E4521. DOI: 10.1073/ pnas.1419828112.

27. Kaplan J.T., Freedman J. & Iacoboni M. (2007) Us Versus Them: Political Attitudes and Party Affiliation Influence Neural Response to Faces of Presidential Candidates. *Neuropsychologia* 45(1): 55–64. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.024.
28. Lawson L., Spivak S., Webber H. et al. (2023) Alterations in Brain Activity Induced by Transcranial Magnetic Stimulation and Their Relation to Decision Making. *Biology (Basel)* 12(11): 1366. DOI: 10.3390/biology12111366.
29. Libicki M.C. (1995) *What Is Information Warfare?* Washington DC: National Defense University. DOI: 10.21236/ADA385640.
30. McDermott R. (2011) New Directions for Experimental Work in International Relations. *International Studies Quarterly* 55(2): 503–520. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2011.00656.x.
31. Miller S. (2023) Cognitive Warfare: An Ethical Analysis. *Ethics and Information Technology* 25: 46. DOI: 10.1007/s10676–023–09717–7.
32. Pufeng W. (1997) The Challenge of Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare*. Washington DC: National Defense University Press.
33. Rona T.P. (1976) *Weapon Systems and Information War*. Seattle: Boeing Aerospace Co.
34. Szafranski R. (1995) A Theory of Information Warfare: Preparing for 2020. *Airpower Journal* 9(1): 56–65.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-7

COGNITIVE AND INFORMATION WARFARE IN THE CONCEPTUAL COORDINATES OF POLITICAL SCIENCE

Elizaveta B. DEGTYAREVA – PhD Student, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received February 23, 2025

Accepted August 18, 2025

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme No. 125100111050-3 Cognitive warfare and civil identity: the impact of information influences on the rationality of behavior).

Abstract: The article offers a comparative analysis of the concepts of cognitive and information warfare within both Russian and international academic traditions. In the context of digitalization and increasingly complex communication processes, the study of new forms of intangible confrontation aimed at transforming individual behavior and internal mental schemas has become especially relevant. Cognitive transformation, here, refers to the alteration of stable mental structures responsible for perception, interpretation, and response to incoming information. The objective of this study is to delineate the conceptual boundaries of «information warfare» and «cognitive warfare» through a comparative approach. The article identifies their key characteristics and theoretical distinctions. The analysis reveals both shared and divergent features in terms of their primary objects, goals, methods, tools, and anticipated outcomes. It is demonstrated that cognitive warfare constitutes an advanced form of non-kinetic influence, with a primary focus on modifying cognitive functions and interpretative frameworks rather than merely manipulating

informational content. Furthermore, the article explores the potential institutionalization of cognitive warfare as an independent strategic domain, driven by the rapid development of neuroscience, attention-modulation technologies, and artificial intelligence. A refined definition of cognitive warfare is proposed, clarifying its place in the evolving spectrum of modern strategic conflict. The findings contribute to the theoretical advancement of cognitive warfare studies and may serve as a foundation for practical strategies to counter such threats. The conclusion emphasizes the need for an interdisciplinary approach – integrating political science, neuroscience, and cognitive psychology – to more fully understand the nature of emerging political conflicts.

Keywords: cognitive warfare, information warfare, cognitive operations, cognitive science, cognitive influence, political conflicts, mental manipulation, neuroscience, neuro-political approach, neuropolitics

References:

1. Adams J. (2001) Virtual Defense. *Foreign Affairs* 80(3): 98–112.
2. Adolphs R. (2009) The Social Brain: Neural Basis of Social Knowledge. *Annual Review of Psychology* 60: 693–716. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163514.
3. Aquilar F. & Galluccio M. (2008) *Psychological Processes in International Negotiations: Theoretical and Practical Perspectives*. Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-71380-9.
4. Baocun W., Fei L. (1998) Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare*. Washington DC: National Defense University Press. pp. 327–343.
5. Boyatzis R.E., Passarelli A.M., Koenig K. et al. (2012) Examination of the Neural Substrates Activated in Memories of Experiences With Resonant and Dissonant Leaders. *Leadership Quarterly* 23(2): 259–272. DOI: 10.1016/j.leaqua.2011.08.003.
6. Epstein R. & Robertson R.E. (2015) The Search Engine Manipulation Effect (SEME) and Its Possible Impact on the Outcomes of Elections. *PNAS* 112(33): E4512–E4521. DOI: 10.1073/pnas.1419828112.
7. Kaplan J.T., Freedman J. & Iacoboni M. (2007) Us Versus Them: Political Attitudes and Party Affiliation Influence Neural Response to Faces of Presidential Candidates. *Neuropsychologia* 45(1): 55–64. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.024.
8. Lawson L., Spivak S., Webber H. et al. (2023) Alterations in Brain Activity Induced by Transcranial Magnetic Stimulation and Their Relation to Decision Making. *Biology (Basel)* 12(11): 1366. DOI: 10.3390/biology12111366.
9. Libicki M.C. (1995) *What Is Information Warfare?* Washington DC: National Defense University. DOI: 10.21236/ADA385640.
10. McDermott R. (2011) New Directions for Experimental Work in International Relations. *International Studies Quarterly* 55(2): 503–520. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00656.x.
11. Miller S. (2023) Cognitive Warfare: An Ethical Analysis. *Ethics and Information Technology* 25: 46. DOI: 10.1007/s10676-023-09717-7.
12. Pufeng W. (1997) The Challenge of Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare*. Washington DC: National Defense University Press.
13. Rona T.P. (1976) *Weapon Systems and Information War*. Seattle: Boeing Aerospace Co.
14. Sun Tzu (1950) *Iskusstvo voyny [The Art of War]* (translated from the Chinese by N. I. Konrad). Moscow: USSR Academy of Sciences. 404 p. (In Russian).
15. Szafranski R. (1995) A Theory of Information Warfare: Preparing for 2020. *Airpower Journal* 9(1): 56–65.
16. Alekseev A.P. & Alekseeva I.Yu. (2021) Tsifrovizatsiya i kognitivnye voiny [Digitalization and Cognitive Wars]. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]* 4(101): 39–51. DOI: 10.30884/jfio/2021.04.02. (In Russian).

17. Vasilenko I. (2009) Informatsionnaya voina kak faktor mirovoy politiki [Information Warfare as a Factor of World Politics]. *Gosudarstvennaya sluzhba [Public Administration]* 3: 80–86. (In Russian).
18. Goncharov V.Yu. (2022) Kontsepsiya informatsionnoy voiny [The Concept of Information Warfare]. In: *Problemy i perspektivy vnedreniya innovatsionnykh telekommunikatsionnykh tekhnologiy: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, Orenburg, 25 marta 2022 g. [Problems and Prospects of Implementing Innovative Telecommunication Technologies: Proceedings of the 8th International Conference, Orenburg, 25 March 2022]*. Orenburg: Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics. pp. 365–370. (In Russian).
19. Degtyareva E.B. (2025) Informatsionnaya bezopasnost' v epokhu kognitivnykh voyn: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya [Information Security in the Age of Cognitive Wars: Improving Legal Regulation]. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 13 dekabrya 2024 g. [Topical Issues of National Security: Proceedings of the 3rd International Conference, St. Petersburg, 13 December 2024]*. St. Petersburg: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 105–109. (In Russian).
20. Evdokimov E.V. (2011) Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve [China's Policy in the Global Information Space]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 9(1): 74–83. (In Russian).
21. Il'inskiy A.M. (2021) Mental'naya voyna Rossii [The mental war of Russia]. *Voennaya mysl' [Military Thought]* 8: 19–33. (In Russian).
22. Katkova E.Yu. & Yunyushkina A.S. (2022) Kitayskie kontseptsii i vozmozhnosti v informatsionnoy voine: sopernichestvo KNR i SShA v kiberprostranstve [Chinese Concepts and Capabilities in Information Warfare: PRC–USA Cyber Rivalry]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya [RUDN Journal of World History]* 14(2): 197–210. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210. (In Russian).
23. Kireeva O.S. (2019) Podkhody k opredeleniyu informatsionnoy voiny [Approaches to the Definition of Information Warfare]. *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika [Russian Political Process in a Regional Dimension: History, Theory, Practice]* 12: 57–60. (In Russian).
24. Kochetkov V.V. (2012) Voyna i mir tsennostey vo vneshney politike Rossii [War and Peace of Values in Russia's Foreign Policy]. *Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie nauki [MSU Bulletin. Series 12: Political Science]* 3: 97–101. (In Russian).
25. Lisichkin V.A. & Shelepin L.A. (2003) *Tret'ya mirovaya (informatsionno-psikhologicheskaya) voyna [The Third World (Information-Psychological) War]*. Moscow: Eksmo: Algoritm. 445 p. (In Russian).
26. Manoylo A.V. (2005) Informatsionno-psikhologicheskaya voyna: faktory, opredelyayushchie format sovremennogo vooruzhennogo konflikta [Information-Psychological Warfare: Factors Determining the Format of Modern Armed Conflict]. In: *Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Informatsionnye tekhnologii i bezopasnost'» [*Proceedings of the 5th International Conference "Information Technologies and Security"]* 8. pp. 73–80. (In Russian).
27. Medushevskiy A.N. (2023) Kognitivnaya voyna: sotsial'nyy kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominiruyushchego (chast' 1) [Cognitive Warfare: Social Control, Mind Management, and a Tool of Global Domination (Part 1)]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics Issues]* 2(19): 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98. (In Russian).
28. Musiets P.V. (2023) Konsentsial'naya voyna s pozitsiy sotsial'no-filosofskogo analiza [Consensual War From the Perspective of Social Philosophy]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Development Prospects]*: 533–536. (In Russian).

29. Pavlyutenkova M.Yu. (2001) *Informatsionnaya voyna: real'naya ugroza ili sovremennyy mif?* [Information Warfare: A Real Threat or a Modern Myth?]. *Vlast' [Authority]*12: 19–23. (In Russian).
30. Petrenko A.I. & Manoylo A.V. (2003) *Informatsionnoe protivoborstvo i gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [Information Confrontation and State Information Policy in the Context of Information-Psychological Warfare]. *Pravo i politika [Law and Politics]*9: 110–125. (In Russian).
31. Pocheptsov G.G. (2000a) *Informatsionnye voyny [Information Wars]*. Moscow: Refl-buk. 147 p. (In Russian).
32. Pocheptsov G.G. (2000b) *Informatsionno-psikhologicheskaya voyna [Information-Psychological Warfare]*. Moscow: Sinteg. 180 p. (In Russian).
33. Prikhodko M.V. (2023) *Informatsionnaya voyna kak kognitivno-diskursivnyy fenomen (v kontekste reprezentatsii «torgovoy voyny» v SMI KNR i SShA)* [Information warfare as a cognitive-discursive phenomenon (in the context of the representation of the «trade war» in the media of China and the United States)]. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. 23 p. (In Russian).
34. Rastorguev S.P. (1998) *Informatsionnaya voyna [Information Warfare]*. Moscow: Radio i svyaz'. 222 p. (In Russian).